

COCO  
CHANEL

PARIS



COCO  
CHANEL

PARIS

Москва  
«ЯУЗА-ПРЕСС»

УДК 929  
ББК 63.3  
К59

К59      **Коко Шанель.** Жизнь, рассказанная ею самой. — Москва : Яуза-пресс, 2026. — 240 с. — (Женщина-Эпоха. Уникальная автобиография).

ISBN 978-5-00155-913-9

Эта сенсационная книга проливает свет на самые тайные страницы биографии Коко Шанель. Это не просто мемуары, а предельно откровенная исповедь величайшей женщины XX века. История Шанель, рассказанная ею самой.

«Герцогиня много, а Шанель одна», — ответила она на предложение руки и сердца от герцога Вестминстерского, самого богатого человека в Европе. Она никогда не лезла за словом в карман, не подчинялась правилам и жила «против течения». Настоящая self-made woman, она не только сделала себя, но перекроила по собственным лекалам весь мир — не просто моду, а стиль жизни! Женщины окончательно отказались от корсетов, одев удобные костюмы из джерси, благодаря Шанель. Короткая юбка до колен — Шанель. Брючный костюм для дам — Шанель. «Маленькое черное платье» — Шанель. Небольшие шляпки вместо огромных сооружений с широченными полями, из-под которых саму женщину не видно, — Шанель. Бижутерия — Шанель. Изящный аромат вместо удушающего запаха целой цветочной клумбы — Шанель. Именно Великая Мадемуазель подарила женщине право быть естественной, стильной, желанной, женственной — самой собой...

Мы всё знаем о работе Шанель и почти ничего — о ее личной жизни: она никому не позволяла лезть себе в душу, избегая откровенничать даже с друзьями, не говоря уж о прессе, и лишь однажды обмолвилась, что любила многих мужчин, но главная ее страсть, роман всей ее жизни — с собой.

УДК 929  
ББК 63.3

ISBN 978-5-00155-913-9

© Перевод. Павлицева Н., 2011  
© ООО «Яуза-пресс», 2026

# ШАНЕЛЬ № 1

*Мне всегда приходилось выбирать между мужчинами и моей работой. И я всегда выбирала работу, потому что без нее я просто Габриэль, а с ней — КОКО ШАНЕЛЬ, единственная и неповторимая.*

— Герцогинь много, а Шанель одна! —  
Такого ответа на предложение стать его супругой герцог Вестминстерский от меня явно не ожидал.

У него было все, и даже больше. Герцог и сам не ведал, сколько стоят его яхты, дворцы, замки, оранжереи, охотничьи угодья, лошади, бриллианты... Он не был снобом — обожал удобную одежду, плевал на множество правил и запретов и носил страшно стоптанные туфли, потому что ими не натрешь ноги. У нас нашлось много общего, даже прозвища: у меня Коко из-за песенки про петуха, у него Вендор по кличке любимой кобылы деда. А еще герцог дружил с Уинстоном Черчиллем, которого «странности» Вендора не шокировали и который звал его запросто: «Бенни».

Безумно богатый, прекрасный любовник и интересный человек, не испугавшийся моего происхождения, готов сделать меня, вчерашнюю швею, пусть и заработавшую целое состояние (но ведь заработавшую, а не получившую по наследству), герцогиней.

И вдруг отказ...

Когда-то первый герцог Вестминстерский, дед моего Вендора, в ответ на предложение американского миллиардера продать знаменитую лошадь, в честь которой назван внук, заявил:

— Всех денег Америки не хватит, чтобы купить это сокровище.

Я могла бы ответить похоже:

— Всех денег мира не хватит, чтобы купить Коко Шанель.

Оставить свое дело ради призрачного счастья зваться герцогиней?

# ОБАЗИН

*Детские обиды самые сильные и помнятся дольше других, потому что дети обижаются сердцем, а взрослые разумом. Разум способен победить обиду, сердце — нет, на нем остаются шрамы, которые не расправишь, как складки на ткани.*

Наверное, надо по порядку? Попробую...

Из детства я хорошо помню отца и плохо мать. Не помню или не хочу помнить? Скорее второе.

Она часто кашляла и задыхалась. Позже мне стало казаться, что это была чахотка, наверняка это была чахотка. Мать — это бедность, страдания и ожидание. «Вот вернется отец...» Из ее рассказов получалось, что отец вернется из своих бесконечных вояжей по ярмаркам, и мы все уедем в какую-то лучшую жизнь, где нет холода, где всегда светло, тепло и сытно. А еще весело. Отец ассоциировался с этой жизнью и с надеждой.

Постепенно мне стало казаться, что именно мать виновата, что он не живет с нами, как другие отцы. Наверное, ему надоели болезни и нытье жены.

Однажды я поинтересовалась, почему же папа не забирает и нас в это прекрасное далёко? Может, у него там другая семья? Мать рассердилась и стала уезжать тоже. Она ездила за мужем следом и рожала детей. А потом умерла.

Пятерых детей надо куда-то девать, ведь отец так и не нашел благословенных земель. Однако родственники от нас отказались, у них не было возможности приютить сирот.

Сирота. Ненавижу это слово! Сирота — это когда ты никому не нужна, причем

любой может ткнуть в тебя пальцем и объявить об этом во всеуслышание. Вы хотели бы вспоминать такое детство?

Казалось, мы с сестрами достаточно взрослые, чтобы искать эту самую красивую жизнь вместе с отцом, ведь колесила же с ним по дорогам мать. Но он считал иначе и отвез нас в приют в Обазине. «Я вернусь, я обязательно приеду за вами...»

— Когда найдешь красивую жизнь?

— Да, обязательно.

Я смотрела вслед отцу и понимала, что не вернется, что сиротство навсегда. Но разве можно поверить в ненужность, когда тебе двенадцатый год? На сердце уже был шрам, но оно еще предпочитало надеяться. Он так же обещал матери, и она так же ждала.

Я тоже ждала вопреки всему: здравому смыслу, оскорблениям, проходящим годам. До сих пор жду, вдруг он все же вернется?

Обазин... Обазин... Обазин...

Дался им этот Обазин! Ездят, копают, вынохивают... Словно в моей жизни ничего более значительного и интересного, чем монастырский приют, не было.

Мне самой иногда кажется, что я родилась ПОСЛЕ Обазина. Какая разница, в каком возрасте меня туда определили и в каком выпустили?

— Я не нищая!

— А кто же ты, если за тебя не платят?

Вы с сестрами самые что ни на есть нищие сироты.

— Неправда! Наш отец просто уехал!

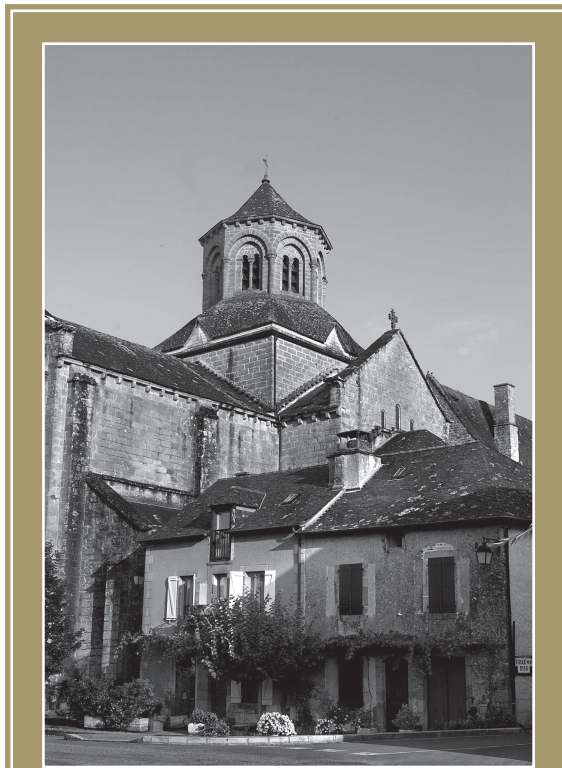
— Куда?

— В... в Америку! Вот он вернется и заберет нас туда!

Я слышала разговоры о том, что в Америке люди живут очень богато, и тогда думала, что это где-то около Парижа просто потому, что Париж для всех был чем-то совершенно роскошным.

— Он прислал мне платье для первого причастия!

Отец и правда прислал белое платье с оборками, кружевами, пояском, на котором висела сумочка, и, наконец, вен-



*Уехав, я больше ни разу не побывала в монастырских стенах. Боялась, чтобы прошлое не утащило меня обратно или чтобы о нем никто не узнал?*

ком из искусственных розочек. Мне казалось, что ничего красивей быть просто не может, потому что платье выбрал отец! Позже поняла, что оно удивительно безвкусное именно из-за обилия отделки, аляповатой и дешевой.

Но тогда оборки выглядели верхом совершенства, ведь это подарок отца, отец не забыл, значит, он вернется!

Я не могла написать слов благодарности, потому что у отца не имелось постоянного адреса, но сколько раз мысленно сочиняла письма!

Рассказывала ему обо всем, о том, что была самой красивой во время первого причастия, ведь остальные девочки надели чепчики, а у меня на голове веноч. Это очень важно, вынужденная носить одинаковое со всеми, но куда более потрепанное форменное платье, я мечтала хоть чем-то отличаться.

Что я часто мою голову желтым мылом, помня, как он не любит запаха грязных волос, что я вообще моюсь при любой возможности. «Папа, от меня пахнет только чистотой!» Запах чистоты навсегда остался для меня самым желанным и важным.

Но главное, я рассказывала, как жду его и обязательно дождусь. Обязательно!

Как заклинание:

— Только вернись, только не обмани.

Я жаловалась, но не на обиды от девочек из состоятельных семей, дразнивших нас нищими сиротами, а на то, что мне

не всегда удается хорошо выполнить работу, порученную сестрами обители, не хватает усидчивости и терпения. «Но я справлюсь, верь, папа, я справлюсь».

Казалось, стоит только мне стать самой старательной, самой искусной, самой усидчивой, и отец обязательно придет. Конечно, он издалека почувствует, что монахиням есть за что похвалить его девочку, сказать, что у нее золотые руки, что она умница. Ему будет приятно слышать такое.


Только о покорности и готовности подчиняться правилам мыслей не было. Но я нутром чувствовала, что отец этого от меня не потребовал бы, он сам не подчинялся.

У меня красивый отец, очень красивый, все, что есть хорошего в моей внешности, — от него. Да, конечно, мои ровные белые зубы точно такие же, он всегда улыбался белозубой ровной улыбкой. И волосы густые тоже в него, и цвет глаз с искорками. А еще гордость, он никогда не плакал и нам не позволял. — Эй, только не реветь! Гордые люди не плачут.

Я была гордой, стала усидчивой и искусной, меня было за что хвалить (кроме разве нежелания подчиняться общим правилам).

Я стала... Но отец не вернулся. Ни тогда, ни позже.

Но я все равно ждала его и любила.



**Все в наших руках,  
поэтому их нельзя  
опускать.**

В Обазине была лестница. Каменная, без перил, то есть с одной стороны она прилегала к стене, а другая словно повисала над пропастью. Причем получалось так, что спускаться можно безопасно вдоль стены, а подниматься приходилось осторожно. Обычно мы так и ходили: быстрее вниз и медленно вверх.

Почему-то мне это казалось несправедливым, и когда никто не видел, я взлетала по лестнице наверх через ступеньку.

Однажды беготню случайно увидела противная Луиза из тех, за которых платили, потому что они были «из хороших семей». Я поняла, что она обязательно донесет настоятельнице, а потому пообещала:

— Скажешь кому хоть слово, я тебе... брови выщиплю!

Угроза глупая, потому что брови выщипывали многие, конечно, не воспитанницы приюта. Но я точно знала, что это больно, потому что пыталась сузить свои излишне густые черные брови. Почему-то Луиза испугалась угрозы (может, тоже пробовала выщипывать?), она прошипела:

— По тебе исправительный дом плачет.

— Ага, — согласилась я, прыгая через ступеньку.

Пусть жалуется!

Не донесла, испугалась за свои белесые полосочки над глазами.

Потом на своей вилле «Ла Пауза» я сделала такую же лестницу, нарочно отправив архитектора в Обазин, чтобы скопировал. У меня она называлась «Лестница монашек». И никто

не мог понять, откуда столь странная прихоть. А это было всего лишь воспоминание о строгом детстве в обители.

На каникулы нас увозили к тете Луизе в Варенн, не потому что хотели видеть,

а просто за компанию с ее дочерью Мартой.

Сироток не слишком любили родственники, но я все равно ждала эти

каникулы, просто на чердаке дома нашлось настоящее сокровище — дешевые слащавые романы. Их когда-то собрали по кусочкам из газет и сшили толстой нитью. Читать приходилось осторожно, пожелтевшие листы легко рвались, но какое я получала удовольствие! В романах совершенно другая жизнь, где героини, даже если оказывались бедны, как монастырские крысы, не ходили в одинаковых платьях и за обедом не брали ложки в руки по команде дежурной сестры, зато переживали неистовые страсти.

Ничто не могло оторвать меня от рассказов о внешности и страданиях романтических героинь, от сопереживания благородным разбойникам, которым непременно надо победить врагов и спасти очаровательную девушку, чтобы потом на ней жениться.

Никто не смог бы убедить меня, что описание накидок, манто или лиловых платьев страстных красавиц, падающих в обморок по любому поводу, но обязательно на руки своих спасителей; мускулистых торсов героев, видных сквозь порванные в жестоких боях рубашки (при этом тела

**Свобода возможна  
в любое время. Только  
цена у нее разная...**

героев оставались без единой царапины, а раны мгновенно превращались в красивые шрамы) и подобной сентиментальной чуши не есть настоящая литература.

Героини с томным вздохом лишались чувств, а открыв глаза, обязательно обнаруживали перед собой красивое, мужественное лицо спасителя и тут же понимали, что это любовь...

Благородные разбойники или бедные красавицы, которых они спасали (а часто и те, и другие), потом оказывались вовсе не бедными, но действительно благородными, из-за козней родствен-

ников вынужденные вести разбойную жизнь или с детства скитаться по приютам. Справедливость всегда торжествовала, мерзкие родственники бывали наказаны, а герои и героини возвращались в свои замки и жили с тех пор счастливо, купаясь в роскоши. Надо ли говорить, что такое чтиво к собственным родственникам любви не прибавляло...

Как бы ни было ужасно, но пристрастие к подобному мусору у меня сохранилось навсегда, а вот лиловый цвет я с тех пор ненавижу.

Конечно, встречалось и то, что стоило прочесть, даже обладая не стопками газетных вырезок, а большой библиотекой. Среди романчиков, годных только для растопки камина, нашлись

*Гора в Оверни.  
Я видела ее однажды,  
когда ехала  
в Варенн-сюр-Алье.  
Чем не Грозовой  
перевал?*



книги Шарлотты Бронте. Сходство с ее героинями для меня было несомненным. «Грозовой перевал» — одна из любимых книг до сих пор, а тогда я ее просто обожала.

Взять романы с собой в монастырь я, конечно, не могла, но за каникулы прочитывала столько, что до следующих едва успевала переварить.

Может, мой отец тоже воюет с врагами, чтобы освободить прекрасную незнакомку? При мысли о незнакомке становилось не по себе. Ради какой-то чужой женщины забыть о дочерях?! Никакая самая замечательная красавица в роскошном наряде такого не стоила! Я стала приглядываться к женщинам: какая из них могла бы заставить отца поступить так, эта? Или вот эта? А может, та в роскошном лиловом платье и шляпе с большими перьями? Ненавижу яркий розовый цвет!

Мы редко покидали стены обители, так что глазеть приходилось на каникулах. Но и тогда у меня имелось не слишком много возможностей, по Варенну не гуляли незнакомки в немислимых нарядах, и благородные разбойники не водились тоже. Если и были, то совершенно неблагородные, грубые, дурно пахнущие и не в красивых кафтанах с позументом, а в лохмотьях, сквозь которые проглядывали вовсе не мускулистые торсы. А женщины ходили в выцветших от долгой носки шляпках с идиотскими букетами искусственных цветов, тоже блеклых и пыльных.

Только тетя Луиза, которую мы почему-то переименовали в Жюлию, умела переделывать свои шляпки так, чтобы они оказывались ни на чьи не похожи. В Варенне подобный поступок выглядел дерзостью, но мы были счастливы, когда и нас привлекали к столь увлекательному занятию.

**Судьба и удача  
вовсе не так слепы,  
как кажется. Они  
прекрасно видят,  
с кем приходится  
иметь дело...**

Творить... Неужели я научилась этому у тетки? Но все равно не любила ее, потому что после каникул приходилось возвращаться в приют, где нас снова звали сиротками!

Зато когда дед решал взять меня в Мулен, восторгам не было предела. Там совершенно другая жизнь, Мулен не Варенн, попить целебной водички летом съезжалось множество желающих, от созерцания которых пойти кругом голова могла у кого угодно, не только у меня. Послушать оркестр, играющий в парке мелодии из модных оперетт, полюбоваться необычными и элегантными нарядами дам, внимать иностранной речи... Когда не понимаешь, о чем говорят красиво одетые люди (тогда я думала, что они одеты красиво), кажется, попала в заколдованный мир.

Моим сестрам это не нужно, ни Жюлия, ни Антуанетта в Мулен не рвались. Но я не переживала, потому что со мной была Адриенна — тетя, младшая дочь моих деда и бабки, моя ровесница, ставшая подругой на всю жизнь. У бабушки с дедом родились девятнадцать детей, почти все они выжили и имели свои семьи, некоторые мотались по све-

ту, как мой отец, но большинство сидели на месте. И ни у кого не нашлось в доме местечка для племянниц, нас брала к себе только Луиза и только на каникулы. Она на девятнадцать лет старше Адриенны, а потому Адриенна вместе со мной звала свою сестру тетей. А меня сестрой. Вот такие дела.

Конечно, нас никто не пускал в центр города, наверное, боялись, чтобы чем-то не соблазнились. Как жили на окраине, так и прогуливались там, но после Обазина и окраина маленького Мулена казалась почти Парижем.

Я пересказывала Адриенне прочитанные на чердаке книги, мы их горячо обсуждали и прикидывали, какая из увиденных женщин годилась бы на роль очередной героини. Это так занимательно... Адриенна очень красивая, она осталась такой и сейчас. Моя тетя вполне могла бы стать таинственной незнакомкой из романов, но ее одевали немногим лучше нас, дед не слишком стремился тратить деньги на украшение своих женщин, считая, что красоту ни к чему выставлять напоказ, это до хорошего не доведет.

Там же я увидела нечто необычное. У бабушки были роскошные волосы, когда она их распускала, волосы покрывали густой волной всю спину. Дед до старости ревновал жену и терпеть не мог вида распущенных волос, все

казалось, что пытается кого-то соблазнить. Однажды после безобразного выговора (далеко не кроткий нрав у меня от деда, он резок и несдержан на язык) бабушка отрезала свою косу и с тех пор постоянно ходила в чепчике.

Это был протест, бабушка очень обиделась на мужа. Через много лет я поступила так же, только чепчик надевать не стала, правда, очень часто, даже дома ходила в головных уборах. Как бабушка? Неужели мои родственники столь сильно повлияли на мою жизнь, сами того не желая?

Глупо, лучше бы влияли в другом.

На вопрос, когда же вернется отец, дедушка только пожимал плечами, а бабушка отводила в сторону глаза. Я понимала, что они знают, где их сын, но предпочитала верить, что не знают. Правильно, что отводили; надеяться, что отец может хоть когда-нибудь вернуться, все же легче, чем точно знать, что тебя бросили.

Но дедушка с бабушкой и сами не сидели на месте, они тоже были рыночными торговцами и разъезжали по ярмаркам. Как при этом бабушка сумела родить и вырастить столько детей, не представляю. Может, потому она презирала мою мать — слабую и никчемную, только и способную виснуть без толку у мужа на шее? Наверное, на мое отношение к памяти матери повлияло отношение бабушки.



**Безвкусица —  
это творчество,  
зашедшее в тупик  
по вине глупости.**

Кстати, шляпка на голове дома — хороший способ намекнуть тем, с кем не слишком жаждешь общаться, что тебе некогда. Если в доме появляются нежеланные гости, я начинаю искать перчатки и сумку; выглядит так, словно собираюсь уходить. Друзья знают, что это блеф, но намек понимают все.

Мы с Адриенной стали настоящими сестрами и задушевными подругами, пронеся дружбу через всю жизнь. Хотя бывали годы, когда она предпочитала мне своего Мориса де Нексона. Вот до чего доводит любовь к мужчинам!

Тогда казалось, ничто не сможет разлучить нас. И вдруг...

Красавица Адриенна рыдала, уткнувшись в свою подушку.

— Что случилось? Кто тебя обидел?

Адриенна показала письмо:

— Отец. Смотри, что он пишет...

Я едва не закричала, на мгновение показалось, что это письмо МОЕГО отца! Но нет, писал дед — отец Адриенны. Сообщал, что ей подыскали жениха, а потому этот год обучения в Обазине последний.

До меня не сразу дошло содержание, главное само письмо. Адриенне писал отец... Как бы я хотела получить хоть



*Мулен, конечно, не Париж и даже не Виши, но после крошечного Обазина казался роскошным городом*

коротенькую записочку от своего!  
О чем угодно, только получить, чтобы  
знать, что он есть, что он помнит.  
Но рыдания бедной Адриенны быстро  
привели в чувство.

— Почему ты плачешь, не  
хочешь замуж?

Я точно знала, что Адриенна  
хочет, она мечтала о хорошей,  
крепкой семье, детях, добром и  
обеспеченном муже.

— За Поля не хочу...

— Почему?

— Он старый и... плюгавый.  
— Несчастливая Адриенна  
протянула карточку предполагаемого  
жениха.

Я согласилась с презрительным  
вердиктом. Конечно, старым Поль  
мог быть только с нашей точки  
зрения, но внешностью  
благородного разбойника жених  
Адриенны действительно не  
отличался, скорее наоборот.

— Мне уже сказали, что на  
следующей неделе нужно уезжать  
домой, чтобы выйти замуж...

Слезы снова полились ручьем.

— А ты?

— Я согласилась, что я могу?

— То есть тебя прямо отсюда и  
под венец?

— Да. Я лучше монахиней стану,  
чем за Поля.

— Вот еще! По-моему, лучше  
сбежать.

— Куда?

— Не знаю, мы же смогли  
заработать, продавая сладости,  
сможем и еще.

На каникулах нам действительно  
повезло, на несколько дней  
удалось заменить

продавщицу сладостей с лотка и  
немного подзаработать. Эти  
деньги до сих пор лежали в  
кубышке, и о них никто не  
знал.



Мы сбежали. Более нелепый  
побег придумать невозможно.  
Кому нужны две мечтательницы-недо-  
троги? Где работать и жить?  
Куда мы вообще бежали? Неважно,  
главное — из неволи!

Ума хватило только на то,  
чтобы согласно поведению  
героинь романов выбросить  
кое-какую одежду, свернутую  
в узел, в окошко, чтобы не  
шествовать с этими узлами

у всех на виду. Дальше начался  
спор. Денег немного, на поезд  
купили билеты во второй класс,  
но я уперлась:

— Поедем первым!

Где еще мы могли встретить  
принца на белом коне? Неважно,  
что лошади, даже белые, в  
поездах не ездят, главное,  
первым классом ездят принцы,  
это я знала точно. Адриенна  
пыталась меня увещевать, но  
то ли делала это не слишком  
решительно, то ли мой напор  
оказался куда сильнее, поехали  
мы с шиком (обшарпанный  
вагон первого класса тогда  
казался шиком, как же, в нем  
были диваны, обитые потертым  
бархатом, расцветка которого  
от ветхости не поддавалась  
определению!).

К нашему сожалению, ни  
принцев, ни даже их лошадей  
в вагоне, конечно, не обнару-  
жилось, зато быстро появился  
строгий контролер, разжалобить  
которого не удалось. Плакали  
наши де-

нежки, потому что, кроме доплаты от второго до первого класса, пришлось заплатить немалый штраф. На жизнь не осталось ничего, ни романтические герои, ни благородные разбойники выручать двух наивных дурочек не собирались. А неромантические, оглядывавшие нас масляными глазками и отпускаявшие гадкие шуточки, явно не подходили.

Пришлось возвращаться. Только куда, не в Обазин же?

Тетю Луизу в Варенне едва не хватил удар, когда она поняла, что мы натворили.

— Как вы будете смотреть в глаза своим воспитательницам?!

Очень хотелось ответить, что спокойно, но смотреть не пришлось. Нас категорически отказались принять в Обазине. Кому нужны столь непутевые воспитанницы? Если честно, то я никаких угрызений совести не испытывала. Разве может страдать пойманный узник при воспоминании о своей тюрьме?

Но нас ждала другая тюрьма. Забота и милосердие сестер не оставляет тех, кто попал в их сети. Так заботливый хозя-

ин, погладив пса, обязательно проверит, крепка ли цепь, чтобы тот случайно не оборвал привязь, держащую его в принудительном раю. И хозяина мало беспокоит, что псу хотелось бы побегать на воле, пусть даже впроголодь. Он создал все условия, пес должен быть благодарен.

Нас не вернули в Обазин, а поместили в пансион института Богоматери в Мулене. Снова бесплатно, снова в качестве обузы и приживалок. Ну и что, что это Мулен, а не Обазин? На два года тюрьма, потому что выходить за ограду нельзя, ничего нельзя. Можно только молиться и учиться шить — должна же быть у нас какая-то профессия, которая поможет заработать на пропитание.

Когда однажды через много лет мне пригрозили тюрьмой, я ответила, что свое уже отсидела. Тот, кто спрашивал, не понял, о чем я, широко раскрылись глаза: — Вы, мадемуазель? За что?!

— За инакомыслие.

Разве тюрьма — только где решетки на окнах? Нет, это там, где зарешечены возможности.